Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Е.П. Аквилонов

Бессмертие

Опубликовано:
Христианское чтение. 1912. № 5. С. 576-588.

© Сканирование и создание электронного варианта: Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Безсмертіе *).

IV.

Условія посмертной жизни.

Послѣдняя запись, сдѣланная сэромъ Вальтеръ Скоттомъ въ его дневникѣ, гласитъ: «Мы благоразумно заснули, а съ наступленіемъ утра».... Многоточіе поставлено неожиданною смертью, прервавшею слова дневника. Одинъ только В. Скоттъ знаетъ о томъ, что произошло съ нимъ въ слѣдующее утро. Вполнѣ естественно и крайне любопытно для всего рода человѣческаго изслѣдовать: допустивъ продолженіе загробнаго бытія, спрашивается, что же такое произойдетъ съ нами «въ слѣдующее утро»? Нашъ умъ и сердце не могутъ успокоиться на одной, пока еще отвлеченной, истинѣ безсмертія, впредь до полученія болѣе или менѣе опредѣленнаго отвѣта на вопросъ: съ чѣмъ можно сравнить вѣчную жизнь? Не достаточно только знать о продолженіи своего существованія; мы хотимъ получить ясный отвѣтъ на вопросы: какъ, гдѣ и когда? Мы стремимся къ распознаванію детальныхъ условій будущей жизни. Но въ этомъ пунктѣ природа и откровеніе хранятъ глубокую тайну и позволяютъ намъ дѣлать только однѣ догадки насчетъ своего будущаго существованія. Для такого молчанія имѣются двѣ причины: во-первыхъ, чтобы не вносить путаницы въ земную жизнь, и, во-вторыхъ, чтобы предотвратить тяжкія недоразумѣнія въ отношеніи той сферы, условія которой окажутся для насъ

*) Окончаніе. См. апрѣль.

непостижимыми, благодаря отсутствію аналогичнаго опыта; а они, по всѣмъ даннымъ, необходимо должны будутъ отличаться отъ свойственныхъ нашей земной жизни физическихъ ограниченій.

Глубокая мудрость въ сокрытіи отъ насъ тайны загробнаго существованія подтверждается тѣмъ фактомъ, что всѣ попытки сдѣлать подробное описаніе нашей будущей жизни оказались далеко не привлекательными, если только не совсѣмъ отталкивающими. Причина этого кроется въ извѣстномъ психологическомъ законѣ, по которому никто не въ состояніи представить себѣ того, чего онъ никогда не видѣлъ. Поэтому всѣ концепціи насчетъ духовнаго состоянія вращаются въ сферѣ земныхъ образовъ, съ присущими имъ чертами извѣстнаго времени и условій. Эти послѣднія большей частью отличаются грубымъ матеріализмомъ и антропоморфизмомъ и, кромѣ того, разсматриваемыя подъ угломъ зрѣнія вѣчности, являются монотонно-утомительными. Словомъ «вѣчность» обозначается понятіе, превышающее нашъ ограниченный умъ: предъ нею цѣлый билліонъ тысячелѣтій оказывается не больше, нежели одна, едва замѣтная, песчинка на морскомъ берегу, или капля воды въ безбрежномъ океанѣ. Пытались дать нѣкоторое, хотя и слабое, представленіе вѣчности посредствомъ примѣра птицы, которая должна была бы, въ теченіе неисчислимо-продолжительнаго времени, переносить по малымъ крупинкамъ цѣлый земной шаръ, возвращаясь только однажды въ цѣлое тысячелѣтіе. И, однако же, когда удалось бы этой птицѣ окончить свою труднѣйшую задачу, вѣчность только бы еще начала открываться. Если, затѣмъ, довольно скоро здѣсь, на землѣ, ребенку надоѣдаютъ самыя забавныя игрушки, взрослому человѣку—его хлопоты и пожилому—всѣ удовольствія и мірская слава; если самые отъявленные злодѣи могли бы представить себя осужденными на тысячелѣтнее скитаніе по свѣту, подобно вѣчному жиду, съ непрестающей тоской и съ тщетной мольбою о смерти:—каковы же должны быть возможныя условія загробнаго существованія, чтобы, не смотря на безконечное время, блаженство все болѣе и болѣе восхищало получившихъ его въ удѣлъ людей? Напрасно искать отвѣта на этотъ вопросъ у язычниковъ, потому что ихъ религіозныя представленія не совсѣмъ опредѣленны и то печальны, то причудливы. Ни одинъ изъ насъ не счелъ бы себя счастливымъ находиться цѣлую вѣчность въ мрачныхъ черто-

гахъ Озириса, или въ эллинской олимпіи, въ римскомъ элизіѣ, въ скандинавской валгаллѣ, въ магометанскомъ гаремѣ или въ браманской нирванѣ. Литературныя произведенія, хотя и представляютъ много великолѣпныхъ концепцій возвышенными порывами генія, однако, оказываются не въ состояніи показать неизмѣнную прелесть вѣчнаго блаженства. Едва ли захотѣли бы мы вѣчно жить въ великолѣпномъ парадизѣ Данте, или въ воинственномъ небѣ Мильтона, съ непрестанными столкновеніями враждебныхъ армій и бѣгствомъ побѣжденныхъ, или въ состояніи вынужденнаго экстазомъ общенія душъ, усердно живописуемомъ чувствительными авторами. Подобнымъ же образомъ, концепціи различныхъ индивидуумовъ больше устрашаютъ, нежели привлекаютъ. Каждый образуетъ себѣ идею загробной жизни соотвѣтственно претерпѣваемымъ лишеніямъ въ земной. Утомленные стремятся къ успокоенію, потерпѣвшіе неудачи—къ успѣху, разлученные—къ свиданію. Томившійся на Патмосѣ св. Іоаннъ Богословъ, при видѣ разлучавшаго его отъ друзей моря, писалъ въ своемъ Апокалипсисѣ (21,1): «и моря уже нѣтъ»; испытывавшій нестерпимыя страданія отъ болѣзни Робертъ Холъ могъ воображать себѣ небо единственно, какъ только здоровой мѣстностью; терпѣвшій неудачи въ своей филантропической дѣятельности Вильберфорсъ представлялъ загробную жизнь въ видѣ совершенной любви. Даже наиболѣе утвердившіеся въ духовной жизни сознаются, что такія представленія, каковы, напримѣръ, почиваніе на облакахъ съ пѣніемъ псалмовъ, или участіе въ торжественныхъ процессіяхъ съ пальмовыми вѣтвями, или шествіе по городу, улицы котораго сдѣланы изъ золота, а стѣны—изъ драгоцѣнныхъ камней, или упокоеніе на злачныхъ пажитяхъ и тихихъ водахъ, или жизнь въ непрерывномъ общеніи въ случаѣ ихъ вѣчнаго продолженія, окажутся утомительными. Такое блаженство многимъ представится совсѣмъ не желательнымъ, какъ, напримѣръ, оно не понравилось одному слушателю какого-то пуританскаго проповѣдника. «Ваше небо,—воскликнулъ прихожанинъ,—будетъ для меня геенной!» Подобнымъ же образомъ отвѣтилъ Штраусъ на разсужденія Фридриха Великаго: «извините, государь, но я совсѣмъ не желаю отправляться на небо».

Не смотря на ошибочность спеціальныхъ описаній загробной жизни, тѣмъ не менѣе, мы не оставлены насчетъ ея въ

совершенномъ невѣдѣніи. Для насъ открывается просвѣтъ если не отвнѣ, то извнутри, изъ духовныхъ свойствъ личности, не отдѣлимыхъ отъ насъ самихъ, а также и изъ сродства духовныхъ существъ съ такимъ же міромъ. Существуютъ нѣкоторые великіе принципы, на которыхъ можно основываться, чтобы приподнять хоть край завѣсы отдѣляющей этотъ міръ отъ загробнаго. Они подобны обильнымъ потокамъ свѣта, хотя и не все открывающимъ, однако, достаточно озаряющимъ наши жизненные пути. Во всемъ твореніи всюду царитъ одинъ всеобъемлющій законъ прогресса, прогресса и прогресса. Почему же, спрашивается, онъ долженъ вдругъ прекратиться по смерти? Или истощилось Божіе всемогущество? Или безконечное стало конечнымъ? Неужели божественныя совершенства, безпредѣльность и вѣчность, не служатъ императивами для непрерывнаго продолженія этого закона? Роковымъ недоразумѣніемъ со стороны нѣкоторыхъ богослововъ являлось ихъ указаніе на то, что по смерти человѣкъ мгновенно становится совершеннымъ, не имѣющимъ нужды и возможности дальнѣйшаго развитія. Но это значитъ считать тварь мгновенно сравнивающеюся съ Творцомъ, между тѣмъ какъ научный результатъ, въ приложеніи къ данному случаю, состоитъ лишь въ нѣкоторыхъ намекахъ на безконечно-неопредѣленное пространство, время, методъ и природу Творца. Вмѣсто прекращенія развитія смерть, наоборотъ, служитъ необходимымъ условіемъ его продолженія. Въ теченіе своей земной жизни мы принимаемъ отъ этого міра все, что только можетъ онъ дать для образованія нашей личности. Въ случаѣ необходимости прожить на этомъ свѣтѣ цѣлыя тысячелѣтія, мы за это время сдѣлались бы, пожалуй, умнѣе, но только не непремѣнно лучшими. Больше того, можетъ быть, что, благодаря фамильярности съ земными условіями и повторности преподанныхъ уроковъ, мы еще ухудшились бы. Вотъ, между прочимъ, почему никто не знаетъ своего смертнаго часа, чтобы его неизвѣстность служила побужденіемъ не откладывать до самаго послѣдняго срока приготовленіе къ вѣчности. Слѣдовательно, смерть является необходимымъ освобожденіемъ отъ земной ограниченности для болѣе широкихъ возможностей; призывомъ не къ остановкѣ, а къ еще большему развитію нашихъ способностей и неразвитыхъ потенцій въ болѣе счастливыхъ условіяхъ. Смерть подобна садовнику, пересаживающему цвѣты, въ надлежащую пору ихъ развитія,

изъ-подъ открытаго неба въ теплую оранжерею, съ цѣлью предохранить ихъ отъ холода и дать имъ возможность пышно расцвѣсти подъ тепличнымъ кровомъ. Человѣкъ подлежитъ дѣйствію такого же универсальнаго закона и потому предопредѣленъ къ нескончаемому прогрессу, въ трехъ главныхъ направленіяхъ—любви, познанія и служенія.

Пусть прекращаются всѣ другія дарованія, любовь «никогда не перестаетъ» (1 Кор. 13, 8): причастная самой божественной природѣ, она неистощима въ своей жизненности. Подобно тому, какъ земныя привязанности постоянно возрастаютъ своей интенсивностью, характеромъ и глубиною, силою самопожертвованія и ненасытимаго желанія, такъ и на небѣ истинная любовь будетъ безконечно крѣпнуть и развиваться, постепенно приближая насъ къ Богу и къ Его избранникамъ. Какъ нѣтъ конца Божьей къ намъ любви, такъ и наша къ Нему любовь никогда не сократится, а, наоборотъ, всегда будетъ крѣпнуть и въ вѣчности открывать предъ нами глубину безконечной любви небеснаго Отца и возбуждать въ насъ отвѣтную любовь. По мѣрѣ того, какъ болѣе и яснѣе мы будемъ разумѣть Его таинственную, неизмѣнную, безковечную любовь въ связи съ твореніемъ, искупленіемъ и промышленіемъ о вселенной,—непрерывно будетъ усиливаться и наше благоговѣніе. Для пламенной любви не страшны испытанія времени и монотонности. Насъ не утомляетъ искренняя ласка матери, чистая преданность ребенка или безкорыстная дружба. Если же кто утомляется любовью, то ясно, что—не истинною, а притворною, потому что первая ненасытима въ своемъ голодѣ и въ служеніи ближнимъ развиваетъ свои безконечныя способности.

Въ связи съ утвержденіемъ насчетъ совершеннаго развитія и полнѣйшаго удовлетворенія любви въ загробномъ мірѣ, рождается нѣсколько интересныхъ вопросовъ и опасеній, правда, подчасъ дѣтскихъ, но, тѣмъ не менѣе, однако, заслуживающихъ нѣкотораго вниманія и серьезнаго отвѣта. Многихъ смущаетъ особенно то, что вызываемое смертью измѣненіе, по ихъ мнѣнію, не оставитъ мѣста нашему реальному «я», и что мы не сохранимъ единства своего самосознанія, обратившись скорѣе въ какихъ-то противоестественныхъ фантомовъ, а не останемся разумно-свободными личностями. Но утрата свойствъ личности является рѣшительно невозможной. Наоборотъ, и на томъ свѣтѣ мы сохранимъ свои индивидуальныя особенности,

потому что, въ противномъ случаѣ, не оставалось бы мѣста для суда, возмездія и наказанія, равно какъ и для дальнѣйшаго развитія сокрытыхъ въ нашей душѣ потенцій.

Второе, находящееся въ тѣсной связи съ первымъ, опасеніе состоитъ въ представленіи перехода отъ смерти къ жизни на подобіе переправы чрезъ легендарную Лету: на причаливающихъ къ берегу вѣчности опускается завѣса полнаго забвенія, и мы теряемъ память о всемъ прошломъ и перерождаемся въ какія-то новыя, не имѣющія никакого отношенія къ жившимъ на землѣ, духовныя существа. Въ этомъ случаѣ у насъ порываются всякія связи съ своими присными подобно тому, какъ на землѣ кто-нибудь порываетъ ихъ съ своимъ интимнымъ другомъ, который, по причинѣ какого-либо несчастнаго случая или тяжкой болѣзни, теряетъ память и перестаетъ узнавать самаго близкаго человѣка, видя въ немъ случайнаго незнакомца. Но такой страхъ оказывается также неосновательнымъ, когда разсмотримъ его во свѣтѣ непрерывности царящаго въ природѣ развитія. Въ такомъ случаѣ оказалась бы совершенно недостижимой главнѣйшая цѣль земной жизни, такъ какъ, съ потерей памяти, утратили бы всякій смыслъ многочисленныя испытанія и скорби, посылаемыя человѣку, для его нравственной дисциплины, въ земной жизни. Всѣ наилучшія чаянія, относимыя человѣкомъ въ загробный міръ, оказались бы пустыми призраками, какъ, напримѣръ, любовь, потому что, при отсутствіи воспоминанія, она лишится своего жизненнаго нерва. Правда, благодаря взаимной аттракціи, и въ загробномъ мірѣ могли бы возникнуть личныя симпатіи между различными душами, но только въ видѣ какой-то безцвѣтной реализаціи по сравненію съ накопленнымъ богатствомъ всякихъ надеждъ и страховъ, радостей и печалей, успѣховъ и неудачъ. Необыкновенно странная потеря памяти состоитъ въ рѣшительномъ противорѣчіи съ цѣлью небесной миссіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ же могло бы проявиться божественное правосудіе и надъ кѣмъ, именно, разъ душа человѣка по смерти представляла бы собою что-то въ родѣ чистаго бумажнаго листа? Можетъ ли уголовный судья приговаривать къ какому-нибудь наказанію паралитика, абсолютно ничего не помнящаго о происшедшемъ? Нѣтъ спору, что вѣчная правда можетъ отчасти осуществиться благодаря тому, что всѣ эффекты нашей прошлой жизни являются какъ бы вплетенными въ обширную ткань нашей духовной сущности, всегда

остающейся съ нами; но это было бы слишкомъ неполнымъ торжествомъ правосудія, какимъ оно должно оказаться при самосознательной реализаціи всего прошлаго съ присущими ему результатами. Такимъ образомъ, и радость, и раскаяніе удвоятся посредствомъ пребывающей въ вѣчности памяти, и, подобно тому, какъ наша виновность сильнѣе заявитъ себя въ ретроспективномъ взглядѣ, такъ и наше блаженство значительно увеличится по милости все прощающей и спасающей любви.

Но, спрашивается, какимъ образомъ окажемся мы способными узнать за гробомъ близкихъ намъ людей? Не потеряемъ ли мы ихъ, да и сами не затеряемся ли въ безбрежной вѣчности? Отвѣтъ на это не такъ труденъ, какимъ представляется онъ на первый взглядъ. Любовь отшедшихъ душъ никогда не забудетъ о тѣхъ, которыя были дороги ей въ земной жизни. Духъ отвѣчаетъ духу, инстинктомъ обнаруживается наличность сердечнаго расположенія, къ тому же и на землѣ мы притягиваемся одинъ къ другому болѣе душевными, нежели тѣлесными качествами,—говоримъ, разумѣется, объ истинной любви, а не о какой-то на нее пародіи. «Тождественныя двойни» принимаются одинъ за другого только сторонними людьми; что же касается близкихъ родныхъ, то они хорошо различаютъ близнецовъ, потому что знаютъ ихъ отличительныя душевныя качества, и только удивляются тому, какъ посторонніе смѣшиваютъ двухъ не одинаковыхъ людей. Не то удивительно, что мы узнаемъ другъ друга въ загробномъ мірѣ, а противоположное тому,—какъ могли бы мы не узнать? И такъ, будемъ увѣрены въ томъ, что любовь поможетъ намъ отыскать своихъ ближнихъ посредствомъ безошибочной интуиціи, симпатіи, внутренняго влеченія и душевной пріязни.

Но скончавшіеся за немного, а тѣмъ болѣе за много лѣтъ до насъ не окажутся ли настолько опередившими насъ въ своемъ духовномъ развитіи, что мы уже не въ состояніи будемъ достигнуть ихъ? А если вспомнимъ о тѣхъ, которые отошли въ лучшій міръ назадъ тому цѣлыя тысячелѣтія, то не опередятъ ли они въ своемъ развитіи насъ такъ далеко, что мы, только еще вступившіе въ область вѣчности, рѣшительно не въ силахъ будемъ приблизиться къ своимъ предшественникамъ? Нисколько,—подобно тому, какъ, не смотря на свое относительно высшее развитіе, мать не разлучается отъ малаго дитяти. Наоборотъ, высшее развитіе не предоставляетъ

ли ей тѣмъ большей возможности содѣйствовать правильному воспитанію своего младенца?

Теперь спрашивается, какимъ образомъ тѣ, которые испытали два или болѣе сильныхъ аффектовъ, каждый изъ которыхъ достигалъ самаго крайняго напряженія въ свое время, примирятъ въ вѣчности возникающіе въ душѣ конфликты? Самымъ простымъ, потому что тамъ не будетъ происходить никакихъ конфликтовъ. Что же касается различныхъ недоразумѣній, подобныхъ упомянутому, то они проистекаютъ изъ проектируемой нами въ вѣчность несовершенной земной любви. Всѣ предразсудки ограниченной на землѣ любви замѣнятся совершенной небесною любовью, безъ умаленія ея напряженности или партикуляризаціи, все премиряющею своей широтой и глубиною. Подобно тому, какъ въ этой жизни отецъ изливаетъ всю свою любовь на родного сына и, однако, находитъ въ своемъ сердцѣ мѣсто для каждаго, раждающагося потомъ, младенца, причемъ не раздробляетъ ее между дѣтьми, а каждому въ отдѣльности и всѣмъ вмѣстѣ отдается всѣмъ своимъ сердцемъ, такъ и въ будущемъ вѣкѣ расширится и возвысится наша любовь, изливаясь на каждаго и составляя совершенную гармонію въ своихъ проявленіяхъ. Слова Спасителя о томъ, что на томъ свѣтѣ «ни женятся, ни посягаютъ» (Мѳ. 22, 30), не означаютъ забвенія о всѣхъ прошлыхъ человѣческихъ отношеніяхъ, такъ какъ относятся къ будущему въ вѣчности, а не къ продолженію установившихся на землѣ связей между людьми. Имѣющая сохраниться вмѣстѣ съ личностью память необходимо удержитъ въ себѣ драгоцѣнныя связи родственныхъ отношеній во всей ихъ духовной прелести, которая только подымется на еще большую высоту, достижимую лишь въ вѣчности.

Но какая же совершенная любовь можетъ существовать на томъ свѣтѣ, если мы должны простить самыхъ заклятыхъ своихъ враговъ, которыхъ оскорбили, или которые насъ оскорбили до послѣдней степени, и съ которыми намъ суждено будетъ жить въ одномъ царствѣ? Сказать, что мы будемъ навсегда отдалены отъ нихъ,—не достаточно, потому что на небѣ должно царствовать взаимное и полное всепрощеніе въ совершенной любви. Не удовлетворителенъ и другой отвѣтъ, что мы совершенно измѣнимся, ибо, если истинность и чистосердечность, какъ самыя драгоцѣнныя душевныя качества, останутся съ нами, то позволительно спросить, какъ возможно

будетъ любить тѣхъ, кого мы имѣемъ причины ненавидѣть? При бо̀льшей вдумчивости отвѣтъ на вопросъ не труденъ. Даже и худшіе изъ людей содержатъ въ себѣ нѣкоторыя потенціи добра, нерѣдко открывающагося въ сравнительно короткое время земной пріязни. Мы часто любимъ одинъ другого, не понимая того, какъ это происходитъ; любимъ, потому что видимъ другъ въ другѣ возможность добра, признаки расположенія, сокрытые отъ нашего ограниченнаго взора. Теперь въ вѣчности наше усовершенствованное духовное зрѣніе дастъ намъ возможность видѣть эти сокрытыя потенціи добра, и даже, воспоминаніе о нанесенныхъ оскорбленіяхъ сдѣлаетъ насъ достаточно .проницательными,—такъ какъ мы сами въ очень многомъ получали прощеніе отъ Бога,—чтобы найти достаточно данныхъ для прощенія другихъ и отъ нихъ, въ свою очередь, получить чистосердечное прощеніе, и, такимъ образомъ, поистинѣ, возлюбить своихъ враговъ.

Слѣдующій широкій путь, по которому будетъ происходить постоянное развитіе, это путь *познанія*. Начавшееся на землѣ, послѣднее окажетъ намъ помощь въ качествѣ точки отправленія для постепеннаго развитія въ вѣчности. Не выразить словами радость такого умственнаго развитія. Даже и въ пріобрѣтеніи земныхъ знаній всякій испытываетъ ни съ чѣмъ несравнимое состояніе особаго рода экстаза, когда кому-либо удастся отвоевать хотя малую область истины, открыть какіе-либо новые законы, воспользоваться доселѣ невѣдомыми естественными силами, или установить прогрессивное развитіе въ доселѣ потаенной части универса. Ученые естествовѣды, философы, теологи—всѣ хорошо поняли душевную радость Кеплера, когда, открывъ свой «третій законъ», онъ воскликнулъ: «всемогущій Боже! Я мыслю Твоими мыслями вслѣдъ за Тобою». Эта радость будетъ продолжаться вѣчно и никогда не сдѣлается монотонною. «Можешь ли ты изслѣдованіемъ найти Бога? Можешь-ли совершенно постигнуть Вседержителя?» (Іов. 11, 7). Изслѣдующій пути Промысла напоминаетъ путника, взбирающагося на Гиммалайскія горы: поднявшись на одну вершину, онъ видитъ съ нея другія, еще болѣе высокія, вершины и открывающіеся предъ собою болѣе широкіе горизонты; или занимающагося изученіемъ небесныхъ пространствъ: одновременно съ усиленіемъ зрѣнія предъ наблюдателемъ открываются еще большія пространства съ безчисленными мірами; простыя звѣзды оказываются большими со-

звѣздіями и темныя бездны—вмѣстилищемъ цѣлой системы міровъ, каждый изъ которыхъ, въ свою очередь, указываетъ на еще болѣе чудесные міры. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы казаться скучнымъ занятіемъ, поклоненіе Творцу явится въ видѣ постояннаго, инстинктивно-проявляющагося, чувства благодарнаго изумленія, возрастающаго по мѣрѣ того, какъ предъ нами будутъ открываться все болѣе и болѣе глубокіе планы божественнаго промышленія о мірѣ. По мѣрѣ увеличенія нашего познанія и ясновидѣнія въ отношеніи къ промыслительнымъ планамъ, осуществляющимся на протяженіи безчисленнаго множества вѣковъ, къ сокровенной гармоніи божественныхъ законовъ и дѣйствій, къ чудесамъ безконечной любви и премудрости, къ конечной цѣли мірового процесса,—будетъ усиливаться и наше благоговѣніе къ премудрому Творцу міровъ. И что удивительнаго въ этомъ, когда, даже, и въ условіяхъ земного бытія человѣкъ испытываетъ, подчасъ, невыразимый восторгъ предъ безконечнымъ величіемъ Божіимъ? «Хвалите Его солнце, луна и звѣзды»! восклицалъ словами псалмопѣвца Галилей. Подобнымъ же образомъ и Агассизъ благоговѣйно выражался: «геологъ идетъ по стезямъ, глубоко проложеннымъ стопами Божьими». «Слава Богу, допустившему меня уловить одинъ лучъ отъ края Его ризы»,—такъ выражался Ньютонъ.

Третій путь вѣчнаго развитія пролегаетъ въ области *служенія*. Несомнѣнно, если Богъ и твари, въ продолженіе минувшихъ вѣковъ, находили радость въ дѣятельности, то и въ загробномъ существованіи послѣдняя не прекратится. Нѣтъ еще большой радости по сравненію съ исполненіемъ великихъ задачъ. Горечь труда состоитъ исключительно въ физической ограниченности и въ неспособности. Отлетѣвшія отъ земной суеты души обрѣтутъ покой въ томъ, что силы ихъ будутъ превозмогать надъ дѣломъ, какъ и сами мы со временемъ вкусимъ наслажденія, состоящаго въ успѣшномъ исполненіи предлежащаго намъ служенія. Всѣ душевныя способности будутъ постепенно и прогрессивно развиваться, съ постоянно открывающимися новыми потенціями въ расширенныхъ сферахъ. Еще находящіеся въ земныхъ условіяхъ, мы подчасъ напряженно стремимся перенестись за предѣлы, поставленные для нашихъ ограниченныхъ чувствъ,—проникнуть въ глубокія бездны океана, въ сокровенныя тайны міровъ, въ безпредѣльныя пространства, слышать неуловимые ухомъ звуки, пріі-

обрѣсти болѣе острое зрѣніе и болѣе утонченные инстинкты, имѣющіеся у наиболѣе развитыхъ животныхъ. Мы страстно хотимъ проницать своимъ взоромъ сквозь естественные феномены матеріи, силы, жизни, и созерцать потаенныя чудеса какихъ-то невѣдомыхъ міровъ съ новою формой, цвѣтомъ, движеніемъ, мелодіей, красотою. Подобно тому, какъ предъ исцѣленными глазами слѣпца открывается цѣлый міръ съ неисчерпаемымъ разнообразіемъ формъ и красокъ, или предъ излѣченнымъ отъ глухоты—звуковъ и мелодій, предъ параличикомъ—область недоступныхъ ему доселѣ ощущеній, такъ, на необозримомъ протяженіи вѣчности, раскрывающіяся и постоянно усовершающіяся способности откроютъ предъ нами новые міры для созерцанія и служенія. Въ такомъ случаѣ не можетъ возникать никакихъ предположеній на счетъ монотонности будущей жизни: послѣдняя откроется предъ нами съ настолько безконечнымъ разнообразіемъ задачъ и средствъ къ ихъ исполненію, что не о скукѣ, а, наоборотъ, о ненасытимомъ наслажденіи можетъ быть рѣчь въ новыхъ условіяхъ нашего бытія. Нѣкоторыя черты предстоящаго намъ служенія мы можемъ видѣть отчасти и въ земной жизни. Вообще, оно должно состоять въ сослуженіи Богу, въ содѣйствіи осуществленію Его величественныхъ плановъ, въ оказаніи любви къ Его тварямъ, въ воспособленіи взаимному раскрытію нашихъ собственныхъ способностей и способностей другихъ, въ побѣдѣ надъ врагами посредствомъ любви, въ изысканіи путей и средствъ къ ихъ раскаянію и перерожденію, и, можетъ быть, въ соучастіи въ твореніи, въ исторіи и въ завершеніи одного міра за другимъ, одной системы за другой, цикла за цикломъ, универса за универсомъ.

Такимъ образомъ, первый основной законъ природы—вѣчный прогрессъ—проявляется въ трехъ большихъ потокахъ свѣта, бросаемыхъ въ царство тьмы и озаряющихъ пролегающіе въ вѣчности пути нашего непрестаннаго развитія и роста въ любви, познаніи и въ служеніи. Приведенныхъ данныхъ вполнѣ достаточно для нашего упованія на безконечное милосердіе небеснаго Отца.

«Человѣкъ», по словамъ Паскаля, представляетъ собою только трость и, притомъ, самую хилую въ цѣлой природѣ. Однако, онъ—мыслящая трость. Весь матеріальный универсъ не имѣетъ нужды совокупными усиліями поразить его. Для этого довольно пара, или одной капли воды. Но если бы весь

матеріальный универсъ соединился для того, чтобы сокрушить его, то человѣкъ, все-таки, оказался бы болѣе благороднымъ по сравненію съ своимъ сокрушителемъ, ибо онъ сознавалъ бы, что умираетъ, между тѣмъ какъ цѣлый универсъ и не подозрѣвалъ бы о своемъ надъ нимъ преимуществѣ». Итакъ, человѣческій духъ, съ его свидѣтельствомъ о богонодобіи, неизмѣримо возвышается надъ цѣлою природой и содержитъ въ самомъ себѣ свидѣтельство въ пользу того, что онъ переживаетъ всѣ предполагаемыя крушенія одной матеріальной системы вслѣдъ за другою, какими бы величественными ни представлялись онѣ для непосредственнаго наблюденія. Звѣздное небо не настолько возвышенно, какъ нравственный законъ внутри человѣка. Всѣ констелляціи не равняются по своей цѣнности одной младенческой душѣ. Человѣкъ—это сынъ Божій и, слѣдовательно, представляется болѣе дорогимъ въ очахъ Божіихъ, нежели поразительный блескъ небесныхъ свѣтилъ. Пусть ничтожна населяемая имъ планета, пусть слабо его бренное тѣло,—все-таки, онъ невыразимо дорогъ предъ Богомъ. Это навѣки подтверждается голгоѳскимъ крестомъ—безцѣнной Жертвой, принесенною за спасеніе міра. Въ своей потенціи человѣкъ является достойнымъ такой милости. Подобно тому, какъ не по внѣшней невзрачности мы судимъ о достоинствѣ взятаго сѣмени, а по заключающемуся въ немъ пышному расцвѣту, такъ и въ разсужденіи даннаго предмета «еще не открылось, что̀ будемъ» (1 Іоа. 3, 2).

Таковъ первый правильный методъ для укрѣпленія нашей вѣры въ виду безпредѣльнаго универса и для подтвержденія превосходства человѣческаго ума и души надъ всѣмъ сотвореннымъ.

Всѣ вмѣстѣ взятыя преъуказанія только на безчисленныя, заключающіяся въ Творцѣ и въ Его твореніи, потенціи, въ связи съ многозначительными фактами естествознанія, философіи и религіи, приводятъ насъ къ абсолютной моральной увѣренности въ загробной жизни. А если такъ, то безнадежная, ужасная и невыносимая въ другихъ условіяхъ жизнь мгновенно преобразуется, озаряется свѣтомъ доброй надежды и получаетъ величайшее значеніе. Все, казавшееся доселѣ парализованнымъ при неизвѣстности будущаго существованія, выпрямляется въ свой настоящій ростъ и развертываетъ предъ человѣкомъ необозримыя перспективы съ точки зрѣнія вѣч-

ности. Не вполнѣ примѣтныя раньше, побужденія и объясненія жизни теперь становятся достаточно—ясными. Есть смыслъ въ тяжелой борьбѣ, потому что она содѣйствуетъ облагораживанію характера, ибо послѣдній существенно важенъ для достиженія человѣкомъ своего назначенія и сопутствуетъ ему въ безпредѣльной вѣчности. Есть смыслъ вмѣсто эгоистической жизни проводить другую, состоящую въ непрестанномъ самопожертвованіи, жизнь, ибо мы—безсмертные труженики среди такихъ же безсмертныхъ, чтобы ихъ и себя приготовить къ блаженной вѣчности. Есть смыслъ въ развитіи своихъ способностей до возможно-высшей степени,—для писателей — обогащать литературную сокровищницу, для поэтовъ—творить идеальные образы, для музыкантовъ—погружаться въ мелодію звуковъ, для чистыхъ душъ—сѣять добро для жатвы другимъ,—потому что всѣ многоразличныя способности сохраняются и вполнѣ расцвѣтутъ только подъ новымъ небомъ. Есть смыслъ въ беззавѣтной любви, не смотря на страшный призракъ смерти, ибо «любовь крѣпка, какъ смерть» (Пѣсн. 8, 6) и въ лучшемъ мірѣ получитъ свое полное удовлетвореніе.

Прот. **Евгеній Аквилоновъ.**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии

www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки